

учителя-консерваторы до сих пор придерживаются подобной педагогической тактики. И аргументы в её защиту приводят такие: на экзамене никто не будет выяснять, какой человек его сдаёт – хороший или плохой. Но если все педагоги начнут стремиться только к получению их воспитанниками определённого количества пятёрок и четвёрок, тогда школа превратится в конвейер по выпуску бездушных роботов-учеников. Конечно, приятно, когда в твоих учениках всё гармонично: и предметные знания, и повседневное поведение. Но, с моей точки зрения, такой результат получится, если каждую изучаемую орфограмму наполнять нравственным и эстетическим содержанием. Поэтому формула моих уроков необычайно проста:

Мастер-класс по искусству речи = уроки речеведения + уроки искусствоведения + уроки человековедения

Меня, как школьного учителя, не может не радовать тот факт, что в последнее время методисты перестали отдавать предпочтение только грамматическому содержанию филологического образования. Перспективным признаётся художественно-педагогическое направление с его нравственными и эстетическими концептами. И не надо особо переживать по поводу отсутствия точного названия так называемой «третьей компетенции» в обучении русскому языку – введение чёткой формулировки грозит нам всем регрессивной опасностью попасть в плен жёстких ограничений и требований. Самое главное: взрослые стали понимать, что учащийся – это не столько «вместилище знаний» (Ходякова Л. А.), сколько личность, способная выстроить интеллектуально-культурологическое пространство в собственной душе посредством СЛОВА.

В моей коллекции уроков есть художественная мастерская, посвященная Моцарту, его гениальной музыке и уникальному природному дару. Во время подготовки 5-классникам предлагается познакомиться с фрагментами биографических книг о детст-

ве Моцарта и разработать эскиз эмблемы, которая бы содержала в себе ответ на вопрос: «Что помогло Моцарту стать великим композитором: педагогическое чутьё его отца, природный дар или удивительная работоспособность?» На уроке в своих ответах-обоснованиях дети стараются объединить живописные и словесные образы. Например, однажды Таня Кривчикова нарисовала маленькое сердечко с крылышками и придумала следующее объяснение: «Бог, узнав о рождении мальчика, решил подарить ему музыкальное сердечко. В нём он поселил нотки-помощницы. Чтобы сердце не разбилось, пока будет лететь с небес, Бог прикрепил к нему крылышки». Приходить на урок и получать такие чудесные открытки-послания из загадочного мира детской души – это настоящее наслаждение для каждого учителя. Наша учительская миссия – ни в коем случае не сломать эти хрупкие крылышки и не разбить доверившиеся нам детские сердца.

Литература:

1. Алексеев С. Т. Сочинения: Сокровища Валькирии. Роман. Кн. 1. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.
2. Алпатов М.В. Немеркнувшее наследие: Кн. для учителя. - М.: Просвещение, 1990.
3. Вершинина Г. Б. «...Вольна о музыке глаголить»: (Музыка на уроках развития речи): Пособие для учителя. - М.: Новая школа, 1996.
4. Граник Г. Г., Бондаренко С. М., Концевая Л. А., Шаповал С. А. Литература: Учимся понимать художественный текст: Задачник-практикум. - 8-11 кл. - М.: ООО «Издательство Астрель», 2001.
5. Кердан А. Визит к Командору. - «Литературная газета», 2002, № 10.
6. Лихачёв Д. С. Экология культуры: Узорочье жизни/ Сост. В. Шимичев. - М.: Мол. гвардия, 1989.
7. Мишатица Н. Л. Лингвокультурологические задачи на уроках развития речи. - «Русский язык в школе», 2005, № 4.
8. Ходякова Л. А. Диалог с культурными концептами в школьном обучении. - «Русский язык в школе», 2005, № 5.

г. Белгород

Т. Ф. НОВИКОВА

ДУХОВНАЯ ЗАЩИТА СЛОВА

Образование всегда было важнейшим фактором всей жизнедеятельности общества, его сохранения, существования и развития. В.Г. Костомаров пишет: «Это было ясно Рюриковичам, так изобразившим в IX веке главные скрепы государства: *«Тебе, старшой, Русью княжити, тебе, средний, – войско ратити, а тебе, меньшому, – мило-сердие и образование творити»*. Образование, как видим, стоит в ряду таких государствообразующих стержней, как власть, властный порядок и обороноспособность, внутренняя безопасность. Оно и понятно: *«образовать»* у древних значило *«придать ОБРАЗ человеческий и Божий»* – т.е. сделать человека

человеком [Костомаров 1999: 18]. Можно предположить, что изменение ключевого слова в названии нашего министерства: Министерство *просвещения* → Министерство *образования* – связано с изменениями в понимании целей обучения: главным становится приобретение компетенций, «умений действовать», а «просвещение», как известно, происходящее от слова «свет» – слова обязывающего: просвещать – нести людям свет (в России времен Александра I эта служба называлась Министерство *просвещения и духовных дел*), в современном словоупотреблении ассоциируется прежде всего с новым *знанием*, с получением информации: неда-

ром же, когда мы говорим: «Просвети меня!», то имеем в виду – «Объясни суть, растолкуй», в то время как «образование» – это «*делание образа*», т.е. дело, процесс – даже в слове ощутимо действительное начало. Впрочем, далеко не всеми положительно воспринята «смена вывески»: академик Н.Н. Скатов в статье с выразительным названием «Древняя боль» в «Литературной газете» пишет об этом факте с горечью, видя в отказе от слова отказ от духовного содержания, несомненно заявляемого словом *просвещение* – нужно именно *просвещение*, а не *образование*! Образование рационально, просвещение – духовно.

Разумеется, дело в не словах, в данном конкретном случае – в двух этих словах... Образование тоже может и должно просвещать; особенно это требование естественно по отношению к преподаванию родного языка. Н.Н. Скатов, говоря в вышеупомянутой работе о «национальных традициях, национальных идеях и национальном образовании» (таков подзаголовок статьи), подчеркивает, что сохранение русской нации «выглядит сейчас как борьба за сохранение русского языка», который сам есть «*объединяющее пространство*» (выделено нами. – Н.Т.), колоссальное и разнообразное, географически, исторически, этнически...» [Скатов 2004]. Мысль ученого перекликается с определением В.Г. Распутиным государственной роли родного языка: «самый надежный и чудодейственный инструмент национального спасения». Но у родного слова, родного языка есть и еще одно предназначение – спасти человека «в минуту душевной невзгоды», быть духовной защитой. Впрочем, выражение «*духовная защита слова*» может быть понято двояко: слово не только спасает и защищает, но и само нуждается в спасении и защите! Об этом и хотелось бы и поговорить в данной статье.

...Осознание объединяющей, защитной и спасительной миссии родного слова позволяет еще раз подчеркнуть огромное, не оцененное по праву современным обществом значение работы словесника в школе. Ведь именно в языке каждого народа сохраняется и через язык передается не только его история, но и духовность, система нравственных ценностей. Родной язык (есть и другое, чудесное, но малоупотребительное определение родного языка – «*материнский язык*») и как учебный предмет, и как неотъемлемая часть духовной жизни общества – призван сыграть главную роль в процессе формирования сознания растущего человека, развитии его нравственных начал. Язык сам по себе является мощным средством воспитания: усваивая язык, человек не только познает мир, но и учится жить в этом мире, естественным путем (изучая самое естественное и неотъемлемое – свой язык!) приобщается к истории, к родной культуре и ее богатствам, хранимым в первую очередь языком.

Принадлежность человека к определенной культуре определяет его менталитет. Менталитет с наибольшей полнотой проявляется в словаре, в лексиконе, в речевых стереотипах, языковых предпочтениях – одним словом, в *Слове* (простите невольную

тавтологию). Именно *Слово*: слово самого учителя; примеры и тексты (текст тоже слово!), выбранные им для анализа, для записи, комментария и толкования на занятии; слово писателя, слово самого ребенка, живая речь современников и «соплеменников» – самый действенный инструмент «просвещающего образования». Работе со словом – не просто привычной, зачастую стандартно организуемой «словарной работе», а со словом как средством постижения потаенного смысла текста, как «инструментом просвещения» и, следовательно, воспитания – должен быть придан новый импульс. Надо организовывать работу со словом так, чтобы от рутинных предписаний: *запиши – объясни – подчеркни* – возвыситься до концептуально-когнитивного анализа, до науки поиска смыслов, стоящих за конкретным словом или выражением, их контекстными или потенциально возможными смысловыми приращениями, историческими изменениями. Современное понимание и на основе новых лингвистических подходов осуществляемая полноценная работа со *Словом* – на наш взгляд, один из самых эффективных путей достижения целей не только образования, но и просвещения, а значит, и воспитания.

Между тем школа и ее главное «действующее лицо» – ученик отлучены от *Слова*. Нет, не от слов вообще – слов-то на самом деле много и изучается, и произносится, а от того *Слова*, в котором В. Распутин называет «чудодейственным инструментом национального спасения», Н. Скатов «объединяющим пространством», от *Слова* воздействующего, возвышающего, воспитывающего. Школа, которая призвана находиться на передней линии борьбы за сохранение родного языка – за сохранение нации! – пока этот бой, к сожалению, проигрывает... Многолетний деспотизм системно-структурного подхода к изучению языка повлиял на то, что мы сейчас можем назвать *обездушением* языка. Дети бойко подсчитывают количество звуков-букв, строят схемы, подчеркивают сверху и снизу, а языка не чувствуют, не любят, не слышат. На вопрос: «Что связано у вас с понятием родной язык?» – неизменно отвечают: «Диктанты, разборы, правила, тесты...» Введение ЕГЭ с его предельно формальным механизмом проверки языковой компетенции выпускников только усугубляет ситуацию, окончательно отгородив уроки русского языка от живого, нестандартного слова, не вписывающегося в прокрустово ложе тестов. Уроки литературы, освобожденные от пресловутых «идеологических шор», на первый взгляд, представляют идеальное поле для работы со *Словом*, но учителю и на уроке литературы опять-таки не до *Слова*, не до любования и наслаждения им, поскольку в небольшое количество часов «втиснуто» такое количество имен, произведений, терминов, дат, биографий, что успевай только все это перечислять и комментировать. В итоге уроки литературы – это на 90% уроки истории литературы. В этом нет ничего плохого, история нашей литературы так же богата, как и история народа. Но все-таки великой ее делает в первую очередь *Слово* – неповторимое, точное, выстраданное в муках каждым большим художником.

Свое «заповедное слово» у Толстого, у Достоевского, у Лескова, и именно Словом определено их место в истории мировой культуры. Но пока на уроке литературы властвуют Их Величества Сюжет и Факт, будут множиться и оставаться востребованными безликие, «безъязыкие» пересказы классики. Надежды на изменение ситуации связываются с возрождаемыми ныне уроками словесности, когда в течение всего урока ученики работают с небольшим текстом, наблюдая за чудом рождения из соединенных обычных, привычных слов единственного и неповторимого того самого «живого Слова». Но такие уроки единичны, несистемны, в учительской практике скорее исключение – «украшение»! – чем правило; весьма субъективен выбор текстов для анализа на таких уроках. Чаще всего это известные классические тексты, что бесспорно важно и нужно: «живую» прочитанные и прочувствованные две страницы «Тихого Дона» «стоят» дороже, чем бессмысленные «краткие пересказы» сюжета, написанные вываренным, пресным – «никаким!» – языком. Но очевидна необходимость обращения и к новым именам и текстам: в том же ЕГЭ требуется написать сочинение-рассуждение на основе небольших произведений преимущественно современных авторов – задание, вызывающее наибольшие затруднения у выпускников. Разрыв между Словом у классиков и словом слышимым и произносимым является одной из причин вечного ученического страха перед сочинением или анализом текста. А ведь именно сейчас ребенку как никогда нужно, чтобы его ухо слышало живое, образное слово художника, самобытное народное слово, возвышенное духовное слово молитвы, а не только рекламную «жвачку»: *«Не тормози – сникерсни!»*, *«Лови момент! Новый Шрек на улётных бластерах!»*. Мы глоснем, теряем слово, даже если оно «у всех на устах». Например, много сейчас говорят и пишут о милосердии, но понимают ли дети не значение, а смысл этого слова? Приходится сомневаться, когда слышишь, читаешь в сочинениях старшеклассников: *«Милосердие – это когда есть богатые спонсоры»*, *«Писатель защищал сЕрых и убогих»*, *«Тут, наверное, допущена ошибка, ведь нет такого слова: приЗрение...»* и др. Получается, как выше было сказано: нет слова – нет и того, что стоит за ним...

Утверждение, что язык сам по себе является естественным воспитателем, инструментом духовного преображения личности, разумеется, не нуждается в доказательствах. И тем не менее непросто удержаться от примеров, ярко его иллюстрирующих. Например, в «Русском словаре языкового расширения» А.И. Солженицына есть слово *бесиво* – так называют любое одурманивающее средство: табак, алкоголь, наркотики. Какое точное, емкое слово! В нем не только корень, даже суффикс (ср.: *месиво, чтиво*) содержит оценку называемого. Не случайно в речи наших современников получили распространение презрительные окказионализмы *смотриво, слушэво* и под. – для обозначения того, что мы смотрим и видим по телевидению, в кино, на видео. Работе с уникальным лексическим материалом не

всегда уделяется должное внимание на современном уроке русского языка. Жаль, что и сам словарь Солженицына еще не нашел своего места в школьном преподавании языка. Между тем на его страницах немало и других «слов-воспитателей», например, с приставкой *обез*: *обезъязычить, обезбожить, обезыкониться* – этих слов нет в нашем лексиконе, но обозначаемые ими явления, к сожалению, есть в нашей «новой» жизни.

Эти и другие слова, связанные с процессом, достаточно точно названным в словаре обезбоживанием, отнюдь не случайно здесь упомянуты. Лакуну в лексиконе (и в сознании?) большинства наших современников представляет лексика молитв. С одной стороны, в стране наблюдается возрождение внимания и интереса к вопросам веры, в школах вводятся часы православия, преподавание православной культуры (у нас в Белгородской области курс «Основы православной культуры» введен в качестве регионального компонента как обязательный предмет), молодежь посещает церковь, старается соблюдать обряды. С другой стороны, нравственный кодекс, который так ярко представлен в православной лексике, несмотря на изменившееся в обществе отношение к религии, для большинства современников остается тайной за семью печатями. А между тем старославянизмы, библеизмы, фразеологизмы из Евангелия, тематические группы православной лексики должны стать дополнительным и весьма эффективным средством духовного просвещения. «Слово», которое было «в Начале», обладает не вызывающим сомнения воспитательным потенциалом. Между тем этот пласт лексики, по нашим наблюдениям, практически не востребован в качестве объекта словарной работы. Вот только некоторые «избранные» слова и выражения, которые должны стать предметом не только «словарно-орфографического разбора», но и нравственно-этического, духовного осмысления: *алтарь, бесребреник, благовест, благодать, благоденствие, благолепие* (В «Словаре русского языка XIV–XVII вв.» слов с корнем *благо* насчитывается свыше 400, а сколько в нашем?), *блаженный, пастырь, покаяние, преуспеяние, причастие, стяжание, страждущий, упование* (особенно в молитвенной строке *«о тебе же все упование мое...»*), *целомудрие*. Хорошо, если учитель найдет на уроке – русского языка, словесности, литературы, православной культуры – возможность и время для работы с образными выражениями, «расширяющими душу», дающими представление о нравственных принципах и ценностях верующего человека: *цельбоносный образ, умиленной душой и сокрушенным сердцем молящаяся, Божия лица неизреченная доброта, теплое заступничество, умягчи сердца, избави от дьявольского поспешения, неоскудная благодать Божия, причастный тайн, свет невечерний, заступница и предстательница наша, не отступать духом* и др. На дополнительных занятиях, во внеклассной работе, обращаясь к истории русского языка, в частности, рассказывая о следах утраченного звательного падежа в современном языке, кроме привычных,

вошедших в повседневный речевой обиход *Боже!* и *Господи!* – можно привести примеры и более редкие, но прекрасные: *чудотворче, угодниче, провидче, пророче, блаженная мати: «О неистощимый источниче чудес!», «О светильниче пресветлый!».*

На уроках словесности молитва может стать объектом филологического анализа – объектом необычным, но обладающим ощутимым нравственным потенциалом. Например, в знаменитой *Молитве Иоанна Кронштадского* завораживающая сила повторов, выразительность параллельных конструкций, мощь точно выбранных, единственно возможных слов и сочетаний производят неизгладимое впечатление:

* *Имя Тебе ЛЮБОВЬ – не отвергни меня заблуждающегося.*

* *Имя Тебе СИЛА – укрепи меня изнемогающего и рыдающего.*

* *Имя Тебе СВЕТ – просвети душу мою омраченную житейскими страстями.*

* *Имя Тебе МИР – умири душу мою мятущуюся.*

* *Имя Тебе МИЛОСТЬ – не переставай милостивить меня, раба Твоего...*

Логичность и безупречность композиции, анафора (*имя Тебе...*), лексические переключки (*любовь – не отвергни, сила – укрепи*), корневые повторы (*свет – просвети, мир – умири*), инверсионное расположение определений (*меня заблуждающегося, душу мою мятущуюся...*) позволили ученицам Шебекинской женской гимназии за первые 10 минут урока выучить наизусть это потрясающей красоты и духовной силы произведение и потом не раз к нему прибегать – и при написании творческих работ, и в житейских ситуациях...

Т.К. Донская, обращаясь в своих работах к анализу слов-концептов, слов-символов *Русь, Русская земля, Душа, Святой, Храм*, размышляет: «Оглядываясь в далекое и недалекое прошлое, борой и сам поражаешься, откуда у нашего народа берутся силы, чтобы отразить очередное нашествие алчущих поживиться нашим богатством, пережить очередные испытания, преподносимые бесконечными «реформаторами», преодолеть сомнения и продолжать жить и верить в победу света над тьмою...» [Донская 2004:5).

Конечно же, и вот такие – высокие и возвышающие – русские слова дают эти силы и эту веру...

Воспитательные и развивающиеся задачи с помощью «универсального средства» – Слова – эффективно и, главное, естественно, решаются в ходе анализа классических текстов на уроке словесности. Описание занятия, на котором объектом анализа было стихотворение И. Бунина 1905 г. «Родник», дано в нашей статье в журнале «Русский язык в школе» (Новикова, 2004). Здесь же хотели бы показать особенность организации словарной работы, предваряющей концептуальный анализ центрального слова-образа *родник*.

*В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.
Я не люблю, о Русь, твоей несмелой
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиранные, родимые черты!*

Работа со словами, составляющими внешний рисунок стихотворения: *лес, гора, родник, голубец, иконка, березовый корец* – потребовала дополнительных этимологических и этнофилологических комментариев, т.к. большинство старшеклассниц (урок проводился в той же Шебекинской женской гимназии), не зная лексического значения слов «*голубец*» и «*корец*», давали им, исходя из контекста, достаточно приблизительные толкования. Но именно этот лексический ряд, относясь, с одной стороны, к «внешней» информации, с другой стороны, имел для этого текста концептуальное значение. Не ограничившись краткими комментариями, ученицы обратились к словарю В.И. Даля: «*Голубец – могильный памятник, срубом, с крышей, будкой, домиком; крест с кровелькой*»; «*корец – корчик – ковш для черпания воды, кваса*». Дальнейшая работа позволила обнаружить контекстуальные синонимы к этим словам во второй части стихотворения: «*но этот крест, но этот ковшик белый...*» Однако заметим: *голубец* – точнее, конкретнее, определеннее (это сугубо православный облик креста), чем просто *крест, корец* – образнее и ярче, чем нейтральное *ковшик*. Основное содержание этого урока составляло «расширение пространства» центрального слова-символа *родник*, которое своим звуком, значением, смыслом, культурным фоном, концептуальными приращениями объяснило, защитило, оправдало другое главное слово бунинского стихотворения – *Русь*.

По нашему мнению, таким образом организованной работой со словом воспитывается любовь, внимание, ответственное и бережное отношение к родному языку, прокладывается доступный и наглядный путь приобщения к духовным ценностям через Слово.

Примечания

1. Т.К. Донская. Слово о родном русском языке // Избранные статьи и заметки. СПб: Сударыня, 2004.
2. В.Г. Костомаров. Возвращаясь к исходному смыслу // Народное образование. - 1991- №5. - С. 18-22.
3. Т.Ф. Новикова. «Пространство слова». Формирование этнокультурной компетенции на уроке словесности // Русский язык в школе. - №5. - 2004. - С.22-26
4. Н.Н. Скатов. «Древняя боль» // «Литературная газета за 17 сентября 2004 г.

г. Белгород